

УДК 351.745(571.63)

Черномаз В.А.

## Полиция Владивостока в событиях 1905 г.

Начало XX в. в истории России характеризуется двумя непосредственно связанными между собой событиями, которые стали большим потрясением для страны. Это – русско-японская война и первая русская революция 1905–1907 гг. Причём хронологическое наложение этих событий приходится на 1905 г., который стал одним из наиболее сложных и трагичных во всей истории г. Владивостока.

Начало русско-японской войны существенно осложнило деятельность полиции Владивостока. 24 января 1904 г. Владивостокская крепость была переведена на осадное положение, действовавшее по 26 сентября 1905 г., которое серьёзно нарушило обычный ход жизни города, возложив на городскую полицию новые задачи. В частности, в условиях войны потребовалось усилить надзор за населением крепости. Изъятие многих дел из ведения мировых судей и рассмотрение этих дел в административном порядке значительно расширили обязанности полиции по составлению протоколов и производству дознаний. Увеличение гарнизона на несколько десятков тысяч человек также потребовало усиленной работы чинов полиции по поддержанию в крепости общественного порядка. (См.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 34. Л. 288)<sup>1</sup>.

Вместе с тем, исключительные условия службы городской полиции во время осадного положения резко выявили все её слабые стороны. Прежде всего, существенной проблемой для владивостокской полиции в данный период стала её низкая штатная численность и некомплект штатов. Штаты Владивостокского городского полицейского управления, утверждённые 10 февраля 1903 г. в составе 114 чел. (полицмейстер, 2 его помощника, 3 пристава, 9 околоточных надзирателей, 94 пеших городовых и 5 конных) (Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 13), совершенно не соответствовали реальным условиям службы как по числу чинов полиции, так и по размерам получаемого ими денежного содержания. Особенности территории и населения города, его особые жизненные условия как военного и коммерческого порта и крепости, ставили г. Владивосток в исключительные условия среди прочих городов, одинаковых с ним по численности населения. К этим условиям можно отнести, в частности, большие размеры территории города, который был расположен на берегу бухты на протяжении свыше 5 вёрст. Кроме того, к его территории относились также острова Русский, Аскольд и Попова (район 1-й полицейской части) и дачные местности Первая Речка, Седанка и Океанская, расположенные на протяжении 38 вёрст по линии железной дороги (район 2-й части). Крайнюю недостаточность штата городской полиции показывал, например, тот факт, что только общественные зрелища требовали ежедневного дежурства на них двух приставов, а нередко и всех трёх. Из 9 околоточных надзирателей ежедневно двое или трое назначались на дежурство на общественные зрелища, трое – на дежурство в полицейских участках и трое были задействованы на ночных обходах по городу. Таким образом, старшие чины городской полиции вынуждены были дежурить практически бесменно, не имея возможности отдыха, в ущерб исполнению иных обязанностей (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 18).

Отмеченная ситуация усугублялась некомплексом личного состава. При и так невысокой штатной численности в 114 чел. некомплект городской

<sup>1</sup> РГИА ДВ – Российский государственный архив Дальнего Востока.

полиции в 1904–1905 г. составлял 28 единиц. Вакантными оставались должности помощника полицмейстера, пристава, околоточного, 23 пеших и 2 конных городских. Указанный некомплект образовался вследствие увольнения со службы лиц, неспособных к исполнению своих обязанностей, прежде всего вследствие "худой нравственности". После начала войны, в связи с оттоком из города населения, заполнить вакансии оказалось невозможно "в виду совершенного отсутствия в опустевшем городе контингента, из коего возможно было бы пополнить штат городских" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 13).

Значительный некомплект городских стал причиной уменьшения числа полицейских постов в городе, что в значительной степени ослабило общий полицейский надзор и сделало невозможным несение службы городских в трёхсменном режиме. Соответственно, несение постовой службы осуществлялось в двухсменном режиме по 12 часов. При этом городские сменялись с постов каждые 6 часов, назначаясь в промежутках между несением постовой службы в различные наряды. Следствием таких условий несения службы являлось переутомление большинства городских, которые, будучи лишены возможности отдыха, были не в состоянии выполнять свои обязанности на должном уровне. К 14 апреля 1905 г., при двухсменной службе городских, в городе имелось всего 18 полицейских постов, при этом площадь каждого поста составляла в среднем 46875 кв. саженей или 19,5 десятин крайне пересечённой городской селитебной площади. Кроме того, некомплект штата чинов полиции вызывал необходимость временного замещения высших должностей нижними чинами, что также не могло содействовать высокому качеству исполнения ими служебных обязанностей (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 13).

Как отмечалось в докладной записке владивостокского полицмейстера, "в то время, когда полиции требовалась особо усиленная служба, она помимо прочих условий, осложнивших её деятельность, являлась уже в значительной мере ослабленной вследствие некомплекта штата, который и в полном своём составе и при нормальном положении вещей является недостаточным для выполнения требований, предъявляемых к службе полиции во Владивостоке как крепости, военном и коммерческом порте и единственном торговом пункте для многомиллионной торговли на Дальнем Востоке" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14).

Серьёзную проблему в условиях военного времени представляло наличие в городе значительного количества корейского и китайского населения, в целях усиления надзора за которым, в соответствии приказом по крепости № 723 от 16 декабря 1904 г., в составе городской полиции в январе 1905 г. было организовано особое отделение так называемой "инородческой полиции" в составе трёх офицеров и 14 нижних чинов (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14). Вместе с тем, в период нахождения города на осадном положении, вследствие неправильной постановки дела в существовавшем при городском полицейском управлении адресном столе, не было налажено строгой регистрации населения, что не позволяло иметь достоверные сведения о его численности. Не было предпринято каких-либо мер в отношении охраны города и населения от артиллерийских обстрелов вражескими кораблями, как это, в частности, имело место в феврале 1905 г. Городской пожарной обоз и пожарная команда не соответствовали своим задачам и в мирное время, а для охраны города от пожаров во время артобстрелов "они представлялись совершенно ничтожными средствами" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14).

Вопреки интересам службы в крепости, находящейся на осадном положении, не было налажено эффективного взаимодействия между различными полицейскими подразделениями, функционировавшими в крепостном районе. Как отмечалось, полицмейстер, начальник крепостной жандармской команды, начальник Владивостокского отделения Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги и капитан коммерческого порта "действовали каждый самостоятельно и в течение всего времени осадного положения никаких вопросов к общему обсуждению не возбуждалось", что, естественно, не могло содействовать успеху полицейского надзора (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 14).

С увеличением числа личного состава гарнизона, расквартированного в домах гражданских жителей города, среди нижних чинов армии и флота усилилось пьянство и, как следствие, резко возросло количество фактов на-

рушения с их стороны общественного порядка, для пресечения которых полицейский надзор оказался недостаточным. Так, в период с 1 февраля 1904 г. по 1 октября 1905 г. в крепости было зарегистрировано 118 случаев проступков и преступлений, совершенных нижними чинами армии и флота, и 187 случаев нарушения ими тишины и порядка (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 16). Вместе с тем подобное явление было характерно не только для нижних чинов, но и для офицеров, развитие разгула со стороны которых доходило до крайних пределов, последствием чего были частые случаи нарушений общественного порядка в публичных местах, причём последними нередко обнажалось оружие. За отмеченный период было зарегистрировано 53 случая нарушения тишины и порядка и нанесения оскорблений действием со стороны офицеров (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 17). При этом, как отмечалось, эти цифры были значительно меньше действительных, так как во многих случаях беспорядки прекращались комендантскими адъютантами без участия чинов полиции и не регистрировались.

15 марта 1905 г. вместо подполковника в отставке В.И. Андреева новым полицмейстером г. Владивостока был назначен надворный советник А.М. Чернов, которому комендантом крепости было приказано безотлагательно представить доклад о мерах по улучшению службы полиции. Найдя представленные полицмейстером А.М. Черновым соображения, соответствующими поставленной цели, комендантом были сделаны соответствующие распоряжения по их реализации. Так, в частности, для усиления наиболее важных полицейских постов приказом по крепости от 30 апреля 1905 г. стали назначаться в ежедневный наряд 16 нижних чинов её гарнизона. Для наблюдения за порядком в городе в праздничные дни, когда число увольняемых в город нижних чинов доходило до нескольких тысяч, выславшийся в распоряжение полиции наряд патрульных от местного гарнизона был доведён до 75 чел. С 23 мая 1905 г. для усиления наружной службы полиции к городскому полицейскому управлению приказом по крепости № 403 для несения обязанностей городских было прикомандировано 68 нижних чинов армии. Из них 23 чел. было направлено на пополнение штата команды городских, а за счёт остальных 45 образованы 15 новых трёхсменных полицейских постов. В результате число полицейских постов в городе было доведено до 35. Помимо восстановления трёхсменного режима несения службы, эта мера дала возможность образовать при каждой из трёх полицейских частей города резерв, который мог быть вызван по первому требованию для прекращения возникших беспорядков. Прикомандированным к полицейскому управлению нижним чинам было назначено вознаграждение по 10 руб. в месяц на человека, которые выдавались из ежемесячного остатка штатных сумм на содержание городских, образовывавшегося вследствие некомплекта команды городских. Провиантское довольствие и приварочные деньги нижние чины получали из своих частей. Таким образом, нижние чины получали вознаграждение, одинаковое с городскими. Для компенсации значительных расходов классных чинов полиции на разъезды по городу комендантом крепости были назначены добавочные разъездные деньги в размере: полицмейстеру – 83 руб., его помощникам – по 20 руб., приставам – по 25 руб. и околоточным надзирателям, по штату совсем не получающим разъездных денег – по 20 руб. в месяц (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 15).

В упомянутой докладной записке особое внимание уделялось правильно поставленной сыскной полиции, при этом отмечалось, что "в крепости же и, в особенности, в военное время этот орган службы полиции приобретает особо важное значение в отношении выяснения и пресечения шпионства, а также выяснение сведений, своевременное получение которых содействовало бы сохранению порядка в крепостном районе" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 15). Вместе с тем, организовать сыскную полицию в том составе, как это требовалось в действительности, в условиях военного времени не представлялось возможным, так как среди оставшегося в городе населения нельзя было найти способных к этому делу лиц. Как отмечалось, организовать такую полицию в то время оказалось невозможно уже потому, что для этого рода деятельности "требуется весьма тщательный выбор служащих, успех службы которых главнейшим образом будет зависеть от степени знакомства их со все-

ми слоями населения крепости и условиями его быта и жизни" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 15).

Тем не менее, на ассигнованные комендантом крепости 2 тыс. руб. содержалось несколько агентов, при помощи которых представлялась возможность получать сведения о настроении среди нижних чинов армии и флота, а также осуществлять наблюдение за иностранным и русским населением. Раскрытие полицией при содействии тайных агентов ряда преступлений, совершенных нижними чинами армии и флота, имело важное значение, показав последним наличие наблюдения за ними. Тайный надзор за китайским населением дал возможность выяснить так называемых порочных китайцев, которые были безотлагательно выселены из города, что привело к уменьшению числа хунхузов. Вместе с тем, как отмечалось, временная организация сыскной части существенных результатов дать не может даже при затрате больших денежных средств, и "получаемые от такой организации сведения в большинстве случаев являются отрывочными, маловероятными, случайными, а потому и малосущественными для дела" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 16).

Для усиления надзора за нижними чинами город был разделён на пять участков, в каждом из которых выделялись особые команды патрулей морского ведомства во главе с офицерами. От пехотных частей в праздничные дни высылались усиленные дозоры. В распоряжение полицеймейстера была командирована полусотня казаков, выставлявшая дневные и ночные разъезды по городу и его окрестностям. Наряду с введением усиленного полицейского надзора, комендантом крепости был отдан ряд приказов по гарнизону крепости и обязательных для населения постановлений в отношении сохранения порядка и тишины в городе. В частности, в целях предотвращения пьянства среди нижних чинов гарнизона ограничивалась торговля спиртными напитками. Так, была прекращена торговля крепкими напитками в питейных заведениях, и их продажа стала осуществляться только из винно-бакалейных лавок и так называемых "рейнсковых" погребов. Накануне праздников и в праздничные дни продажа крепких спиртных напитков была разрешена только до 12 часов дня. Торговля спиртным в заведениях, имеющих буфеты и кухни, была ограничена до 21 часа в заведениях низшего разряда и до 1 часа ночи во всех прочих. Кроме того, открытие новых заведений для продажи крепких спиртных напитков было запрещено (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 16.).

Ограничение мест и часов торговли крепкими спиртными напитками содействовало уменьшению пьянства между нижними чинами, а ограничение торговли в ресторанах и гостиницах до 1 часа ночи прекратило развитие разгула среди офицеров. Однако данные меры в то же время породили так называемое тайное корчемство и нелегальную продажу крепких спиртных напитков. Борьба с этим явлением стала ещё одним направлением деятельности полиции, существенно увеличив приходившуюся на неё нагрузку по пресечению нарушений и преследованию виновных. Применявшиеся к сохранению тишины и порядка в городе мероприятия вызвали необходимость и быстрого наказания виновных в неисполнении приказов и постановлений коменданта крепости, поэтому дела этой категории приказом по крепости были изъяты из ведения мировых судей и переданы в ведение управляющего гражданской частью в крепости для разрешения их административным порядком. Эта мера дала наилучшие результаты, но в то же время создала для чинов полиции огромный объём работы, так как по каждому нарушению приходилось составлять подробные дознания с опросом всех причастных к делу лиц, что вызывало усиленную канцелярскую переписку. (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 17).

Меры по усилению контроля за китайским и корейским населением заключались в том, что члены семей китайских и корейских рабочих, а также все лица из их числа, неспособные к труду, были выселены из крепости, а остальные предупреждены, что будут выселены все, не имеющие определённых и постоянных занятий. Китайцы, работавшие в фортах крепости, были зарегистрированы, и каждый из них снабжён металлическим значком с буквой К. В целях предотвращения практиковавшейся среди иностранцев передачи друг другу российских видов на жительство и проживания под чужим

именем, что исключало возможность установления личности, китайцы были обязаны представить в органы полиции свои фотографии, одна из которых помещалась на документ, а другая оставлялась в полицейском управлении (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 17.).

В дальнейшем владивостокская полиция вынуждена была столкнуться с серьёзными испытаниями в виде массовых беспорядков, имевших место во Владивостоке в конце 1905 – начале 1906 гг., в которых самое активное участие приняли нижние чины армии и флота. К осени 1905 г. здесь скопилось огромная масса солдат и матросов (несколько десятков тысяч человек), многие из которых были участниками боевых действий на территории Маньчжурии. При этом следует учитывать морально-психологическое состояние вчерашних фронтовиков, переживших все тяготы позорно проигранной войны, часть из которых побывала в японском плену, ожидавших скорейшей демобилизации в крайне тяжёлых бытовых условиях. В такой обстановке они встретили Манифест "Об усовершенствовании государственного порядка", подписанный Николаем II 17 октября 1905 г.

Владивостокский полицмейстер, "в виду возможности, что вследствие Манифеста 17 октября с. г. в городе могут проявиться манифестации населения, сходки и процессии с флагами", 23 октября 1905 г. сообщал подчинённому ему приставам, что "со стороны полиции не следует принимать никаких мер против выражения чувств населения, наблюдая лишь за тем, чтобы не было совершено какого-либо насилия над имуществом жителей" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 23). Приставам предлагалось лично разъяснить об этом околоточным надзирателям и городовым и убедить, что последние "вполне усвоят данное распоряжение". Чином полиции приказывалось "иметь усиленный надзор в городе" и о "всяком проявлении народного движения" сообщать полицмейстеру по телефону. Особо предписывалось ни при каких случаях не вступать в конфликты с офицерами по поводу нарушения ими тишины и порядка, обращаясь в этих случаях к содействию комендантских адъютантов, а в исключительных случаях "обращаться в форме просьбы и быть строго сдержанным".

Одновременно военное командование в лице командира 8-й Восточно-Сибирской дивизии категорически запретило офицерам, чиновникам и нижним чинам посещение всякого рода публичных собраний и митингов (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 38.), что стало последней каплей, переполнившей чашу терпения нижних чинов.

Как сообщил 25 октября 1905 г. полицмейстер А.М. Чернов в своём рапорте военному губернатору Приморской области, со снятием 26 сентября 1905 г. в крепости осадного положения, проявления уличных беспорядков главным образом со стороны нижних чинов флота усилились. Так, 22 октября имели место крупные беспорядки на ул. Пологой, где толпа матросов и солдат в несколько сот человек произвели разгром русского дома терпимости, выжившийся в уничтожении забора, оконных рам и внутренней обстановки, причём было похищено некоторое имущество и деньги. Сторожеу заведения были нанесены тяжкие побои, вследствие которых его жизнь оказалась под угрозой. Вместе с тем полицмейстером было заблаговременно сообщено коменданту города о необходимости принять меры по предотвращению беспорядков, которые, по имевшимся сведениям, ожидалось 21, 22 и 23 октября. Полицейстер просил о назначении усиленного дозора от флота и пехоты под командованием офицера, но дозор выслан не был, и только по возникновении беспорядков по личному обращению полицмейстера к коменданту города в штабе крепости были вызваны патрули от флота и конно-охотничья команда. Однако дозор прибыл уже после погрома, развитие которого было остановлено приставом 3-й части, которому полицмейстером была выслана в помощь часть полицейского резерва от 2-й части (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 42).

24 октября полицмейстер экстренно просил коменданта города выслать усиленные дозоры, но на ул. Пологую до наступления вечера патрули высланы так и не были. 25 октября полицмейстер вновь просил коменданта города о высылке дозора, но таковые своевременно не прибыли, и толпа матросов и солдат различных кораблей и частей возобновили беспорядки на ул. Пологой, которые были приостановлены приставом и случайно подошедшим к месту

происшествия артиллерийским офицером, при виде которого нижние чины тотчас разошлись.

По имевшимся у полицмейстера негласным сведениям, 26 октября после предполагавшегося митинга должно было состояться какое-то шествие. В то же время нижние чины армии и флота имели намерение произвести разгром всей ул. Пологой и винно-бакалейной торговли на ней, в связи с чем полицмейстер полагал необходимым с 26 октября установить в городе усиленные дозоры армии и флота под командованием офицеров, в том числе и на ул. Пологой, но не по пути предполагаемого шествия. Эти дозоры предлагалось установить в течение дня и на все время, пока не уляжется возбуждение, произведенное манифестом от 17 октября.

В указанном рапорте военному губернатору полицмейстер также отмечал, что "как нижние чины армии и флота, так равно и рабочий класс населения не могут себе усвоить значение манифеста 17 октября", а потому "для успокоения их возбуждённого состояния" он полагал необходимым обращение к ним высшего начальства с разъяснением значения манифеста и призывом к нижним чинам гарнизона. Поскольку единственным источником информации, удовлетворяющим их интерес к происходящим в России событиям, являлась местная пресса, полицмейстер выражал убеждённость, что "если бы в этих органах было бы помещено хотя несколько строк призыва их к порядку и прекращению бесчинств, творимых ими и простым понятным им языком была бы выяснена вся несвоевременность именно в данное время допускать грубое насилие и нарушать тишину и порядок, то этот призыв к здравому чувству и уму простого человека принёс бы существенную пользу" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 43).

На состоявшемся 26 октября массовом митинге жителей г. Владивостока высказывались обвинения в адрес местной администрации в том, что ею своевременно не публикуются "правительственные распоряжения, касающиеся изменения порядка управления в империи на началах высочайшего манифеста 17 октября", и принято решение о проведении очередного митинга в воскресенье 30 октября в здании цирка. На следующий день, 27 октября 1905 г., за три дня до начала массовых беспорядков, полицмейстер в своём очередном рапорте докладывал военному губернатору о назначенном на 30 октября втором митинге, на который распоряжением коменданта крепости допуск нижних чинов запрещался. В связи с этим, на основе анализа ситуации в городе, он предупреждал о возможных беспорядках, о том, что "на Пологой улице или на базаре могут возникнуть беспорядки со стороны нижних чинов" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 49).

28 октября 1905 г. и. о. военного губернатора Приморской области Е. Смирнов выпустил обращение к общественности, в котором разъяснялось, что "во-первых, Манифест 17 октября даёт только общие основания реформы, не касаясь деталей, а во-вторых, никаких существенных распоряжений в развитие его начал пока не получено". Далее обращалось внимание на то, что высочайший указ о свободе собраний был издан 12 октября, т.е. до обнародования Манифеста 17 октября и поэтому "в некоторых своих частях не согласуется с основными положениями Манифеста, что легко может повести к недоразумениям". В связи с этим и. о. губернатора считал необходимым "обождать дополнений и разъяснений". При этом он апеллировал к тому, что "участие армии в делах политических и общественных не допускается ни в одном из старых западно-европейских конституционных государств" и обращался к здравому смыслу и такту участников, устроителей и распорядителей общественных собраний в городе, убедительно прося их "соблюдать полный порядок и спокойствие... ни в коем случае не возбуждать дурных инстинктов толпы, не прибегать к самоуправству и буйствам" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 51). Однако никаких последствий обращение не возымело, 30 октября в городе начались беспорядки.

Накануне, 29 октября, помощник пристава доложил и. о. военного губернатора и коменданту крепости о необходимости назначить в каждый участок усиленные дозоры под командой офицеров. Комендантом крепости было отдано распоряжение коменданту города о назначении в каждый полицейский участок отрядов под командованием офицеров, однако своевременно

эти команды в полицейские участки не прибыли (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 225).

Беспорядки начались утром 30 октября на Базарной площади в районе 2-го полицейского участка (ныне сквер им. К. Суханова), где толпа, преимущественно состоявшая из нижних чинов армии и флота, начала разбивать и поджигать китайские лавки. В 11 часов дня пристав 3-го участка Оболянинов, получив сообщение о погроме на базаре, немедленно телефонировал коменданту города, прося выслать усиленный патруль, но, не дождавшись такового, лично поехал в штаб крепости. Команда городских 3-го участка состояла из 34 чел., из которых 13 были вооружены шашками и револьверами, остальные 21 чел. – винтовками. 30 октября на постах находились 11 городских, при этом каждый из них имел с собой по одному патрульному (очевидно из военнотружущих). Свободные от постов городские (23 чел.) находились при участке, где также пребывал патруль от 32-го Восточно-Сибирского полка в количестве 12 чел. во главе с унтер-офицером. Между 12.00 и 13.00 в 3-й участок прибыл с 54 нижними чинами 32-го Восточно-Сибирского полка подпоручик Лактионов. Взяв с собой 20 солдат, он отправился на базар, остальные же нижние чины и городские под руководством пристава Оболянинова и околотовных надзирателей Курницкого и Кусковского заняли посты на улицах в районе 3-го участка (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 219).

В это время на базаре толпа, вооружённая камнями, избила пристава 2-го участка И.И. Ситникова, но он с городскими и патрулями, с опасностью для собственной жизни, сделал все возможное для недопущения погрома, и до прибытия подкрепления толпе удалось разбить только три лавочки. Прибывшая на базар команда во главе с подпоручиком Лактионовым оттеснила толпу от китайских лавок к ул. Светланской, произведя два ружейных залпа в воздух (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 225).

В это время толпы солдат начали производить разгром лавок и частных домов в разных частях города. Получив сведения, что толпа солдат в несколько сот человек напала на городское полицейское управление, помощник полицмейстера привёл к нему полуроту от 29-го Восточно-Сибирского полка, которая, подвергшись нападению со стороны толпы, отказалась выполнить приказ открыть огонь. В результате нападения в полицейском управлении камнями были выбиты все окна. Дела и бумаги оказались в целости только благодаря энергии вольнонаёмного писца из запасных Николая Покровского, который в течение трёх суток никуда не отлучался из полицейского управления и, бесменно дежуря, обеспечивал сохранность казённого имущества (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 226).

Воспользовавшись уходом военной команды с базара, которая была переброшена на ул. Пологую, толпа разгромила его. Завершив погром базара, бесчинствующая толпа разделилась на три части, одна из которых, направившись по ул. Светланской, разбивала, грабила и поджигала магазины, другая пошла по ул. Алеутской улице и третья – по Пекинской (ныне ул. адм. Фокина). В это же время, в 18 часов, толпа численностью около 800 чел., состоявшая из матросов, солдат и гражданского населения, направилась по ул. Верхне-Пологой на ул. Пологую, разбивая на пути окна, грабя лавки и поджигая дома. На углу Пологой и Алеутской выстроилась полурота 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под командованием поручика Лактионова. Толпа, с криками "Ура", разбила и разграбила номера "Харьковское подворье" и, бросаясь камнями, подошла к ресторану "Яр". Поручик Лактионов и пристав Оболянинов трижды обратились к толпе с требованием остановиться, предупредив об применении оружия. Толпа проигнорировала данное требование, забросав патруль камнями. При этом из толпы последовало в патруль несколько револьверных выстрелов, после чего патруль дал три залпа вверх. Толпа продолжала напирать. Поручик Лактионов дал приказ нижним чинам открыть огонь, после чего толпа бросилась назад, разделившись на две части. Одна пошла на Китайскую улицу (ныне Океанский проспект), а другая – в Корейскую слободку. Корейцы, вооружённые револьверами, топорами и палками, встретили толпу, не допустив поджогов и грабежей (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 219-221).

Агитаторы, угрожая постовым городским убить их, заставили последних в 18 часов оставить посты на территории 3-й полицейской части, в свя-

зи с чем на углу улиц Пологой и Алеутской, у железнодорожных переездов на улицах Алеутской и Корейской (ныне ул. Пограничная) были поставлены заставы и разосланы по всему району военные патрули, на которых лежала обязанность недопущения сборища публики, предупреждение поджогов и грабежей. Задерживались для проверки личности разные лица, при этом те, у кого обнаруживалось оружие или награбленное имущество, отправлялись на гауптвахту. Против тех, кто оказывал вооружённое сопротивление и "дерзкую грубость", применялось оружие. Так, как мы уже отмечали, команда подпоручика Лактионова стреляла по грабителям и поджигателям вниз по ул. Алеутской. Прибывшая в три часа дня к 3-му полицейскому участку полурота 30-го Восточно-Сибирского полка в составе 76 нижних чинов во главе с капитаном Фальковским применила оружие по бесчинствующим лицам на улицах Верхне-Пологой и Комаровской (ныне ул. Прапорщика Комарова) по направлению к Корейской слободке. Были задержаны с поличным на месте поджигания несколько нижних чинов флота и гражданских лиц, которые были отправлены на гауптвахту (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 221).

Около 9 часов вечера сюда прибыл капитан Литвинов с 81 чел. нижних чинов 10-й роты 32-го Восточно-Сибирского полка. Один взвод роты был размещён на углу улиц Китайской и Пекинской, взвод – на ул. Семеновской, взвод – на указанном выше мосту, а команда военной полиции патрулировала проход возле полотна железной дороги. Военнослужащим было вменено в обязанность никого не пропускать на этих пунктах, в случае же насилий со стороны толпы применять оружие (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 232).

Беспорядки в этот день охватили и территорию 1-й полицейской части. После погрома, учинённого чинами армии и флота на базаре, около 5 часов вечера из группы погромщиков выделились несколько полупьяных солдат и матросов, которые направились на окраину Матросской слободки, где на ул. Ивановской начали громить китайские киоски. Туда приставом 1-й части П.И. Кошелевым был направлен околоточный надзиратель М.М. Крамарчук с дозором. В это время другая группа погромщиков, шедшая из города, скопилась на Экипажной дамбе, близ магазина Кунст и Альберса (ныне угол ул. Светланской и Капитана Шефнера). К этой толпе из экипажа с криками "Ура" вышли матросы с топорами, ломami, лопатами. Околоточный Крамарчук доложил через посыльного пристава, что толпа увеличивается и что он без подкрепления не в состоянии что-либо предпринять. Пристав Кошелев, написав краткую записку в 30-й Восточно-Сибирский полк с просьбой о высылке в помощь роты солдат, отправился к толпе на Экипажную дамбу, где начал уговаривать собравшихся прекратить противоправные действия. Толпа численностью до 600 чел. не подчинилась требованиям пристава, начав избивать его, нанося удары по лицу, голове и затылку. Одновременно ею была разгромлена одна из лавок. Погромщики начали распивать захваченные при погроме спиртные напитки, приходя ещё в большее возбуждение. Затем был разграблен и подожжён магазин Кунста и Альберса. После этого, уже около 8 часов вечера, толпа направилась на площадь Экипажного оврага, где принялась распивать спиртные напитки. Приставу П.И. Кошелеву пришлось пробираться через толпы возбуждённого народа по ул. Мальцевской (ныне ул. Капитана Шефнера) и Афанасьевской (ныне часть ул. Светланской от ост. Дальзавод до ул. Капитана Шефнера), пытаясь проникнуть в центр города с просьбой о помощи. В районе женской гимназии (ныне школа № 9 на ул. Пушкинской) он был обстрелян, и ему пришлось спастись ползком. Затем ему пришлось переодеться в гражданскую одежду, чтобы избежать расправы. П.И. Кошелев долгое время вынужден был находиться среди буйствующей толпы, изнутри наблюдая совершаемые её противоправные действия. Некоторые городские его участка, спасая свою жизнь, также вынуждены были переодеться в гражданскую одежду (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 224).

При 1-й части находилась команда 13-й роты 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в составе 54 чел. под командованием старшего унтер-офицера П. Луковникова, которая в течение 30 и 31 октября, бесценно находясь при участке, отстаивала его от толпы бунтовавших, из которой по ней было произведено несколько выстрелов. Только благодаря распорядительности унтер-офицера П. Луковникова и исполнительности его команды помещения полицейской команды, канцелярии участка и квартира пристава, а также



и смежные с ними дома уцелели от полного разгрома (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 169).

Получив сведения о разгроме полицейских участков, помощник полицмейстера около 12 ночи явился к и. о. военного губернатора и коменданту крепости с докладом, что полицейские участки не функционируют. Вечером город охватили пожары. Выехавшую городскую пожарную команду толпа не допустила к тушению пожар, перерезав у пожарной машины шланги. Несколько городских оказались ранеными. Вследствие угрозы для жизни городских помощник полицмейстера дал разрешение переодеться им в гражданскую одежду (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 227).

31 октября волнения в городе продолжались. Так, в час дня толпа, состоявшая из матросов, солдат и гражданских, численностью около 2000 чел., подошла с национальными флагами к квартире коменданта крепости и заявила, что прекратит беспорядки, если комендант даст им два оркестра военной музыки и выпустит арестантов. Получив музыку, толпа выпустила арестованных из крепостной гауптвахты, а затем и из гражданской тюрьмы, ограбила квартиру её начальника и подожгла тюрьму (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 219).

Та же толпа в 4 часа дня с национальными флагами, несколькими портретами императора и двумя военными оркестрами подошла к 3-му полицейскому участку с пением молитвы "Спаси, Господи". Военные команды, прикомандированные к участку и вся команда городских 3-го участка во главе с капитанами Литвиновым и Фальковским, подпоручиком Лактионовым, приставом Обольяниновым и околоточными надзирателями Курницким и Кусковским выстроились у участка, приняв меры предосторожности. Толпа потребовала у пристава Обольянинова освободить арестованных. Получив ответ, что арестованных в участке нет, толпа потребовала, чтобы пристав предъявил книгу арестованных. Пристав отказался выполнить это требование и, выйдя за фронт войск, побежал за угол на ул. Алеутскую. За ним погнались несколько матросов и тотчас же из толпы раздались выстрелы и полетели камни. Толпа с флагами зашла во двор участка и осмотрела карцер, в котором не было арестованных. Из толпы были слышны крики: "Жги бумаги и участок", "Ищи пристава, надо его убить", – после чего толпа пошла по ул. Алеутской. При этом старший команды городских Заречный уговаривал толпу не жечь участок (см.: РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 221). После выхода из строя подпоручика Лактионова, его команда поступила под начальство капитана Литвинова, который со своей командой отстоял от разгрома весь район, прилегающий к ул. Пологой (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 32. Л. 169).

Вместе с тем, далеко не все воинские команды, отряженные в помощь полиции, должным образом выполняли свой долг. Так, в ночь на 1 ноября нижними чинами 39-го Восточно-Сибирского полка был разграблен винно-бакалейный магазин фирмы Кунст и Альберс, причём офицеры этого полка сами раздавали водку и вино нижним чинам. Свидетелями этого являлись патрули 29-го, 40-го Восточно-Сибирских полков и крепостной артиллерии, которые проходили мимо, будучи сами в нетрезвом виде. Территория 3-го участка охранялась 1 ноября теми же частями войск и городскими в том же составе и при тех же мерах охранения. Так, до часу дня 10-я рота 32-го Восточно-Сибирского полка находилась на ул. Пекинской. В час дня она была направлена на ул. Светланскую, и все остальное время кварталы, которые удалось отстоять от погромщиков, охранялись чинами военной полиции. У лиц, которые несли с собой награбленное имущество, это имущество изымалось, а сами эти лица препровождались на соседний пост на ул. Светланскую для дальнейшего их направления на гауптвахту. (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 231-232).

1 ноября толпа матросов, артиллеристов и выпущенных 31 октября из тюрьмы арестантов в количестве около 200 чел. совершила нападение на постоялый двор на Семеновском покое, содержавшийся китайским поданным, и ограбила его (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 33. Л. 222). Высланный патруль и полицейская команда рассеяли толпу, из которой был открыт огонь по полицейским, несколько лиц было задержано и отправлено на крепостную гауптвахту. К вечеру в город вошли казачьи части, которые смогли восстановить порядок. В ходе беспорядков практически все полицейские учреждения города подверглись нападению и разгрому. После восстановления в городе

порядка полиции предстояло осуществить розыск похищенного имущества и привлечь к ответственности лиц, избалованных в грабежах, поджогах и участии в беспорядках.

Таким образом, полиция Владивостока в период русско-японской войны и первой русской революции вынуждена была действовать в новых, весьма сложных условиях, которые существенно расширили круг её задач и обязанностей. В частности, одними из главных её задач в указанный период стали обеспечение действия режима осадного положения на территории Владивостокской крепости и противодействие массовым беспорядкам, главными участниками которых являлись военнослужащие армии и флота и городские маргинальные элементы. Понятно, что при крайне низкой штатной численности (113 штатных единиц) и имеющемся некомплекте (28 чел.), она не могла в полной мере выполнять возлагавшиеся на неё обязанности, в частности, обеспечить защиту города от погромов, имевших место 30 октября – 1 ноября 1905 г. Поэтому основную роль в подавлении произошедших беспорядков и пресечении погромов сыграли армейские подразделения. Вместе с тем, полиция Владивостока обладала информацией о готовившихся беспорядках, о чем полицмейстером заранее уведомлялись вышестоящие власти и предлагались соответствующие меры по их предупреждению, которые не были в полной мере реализованы. Чины владивостокской городской полиции, сохраняя верность служебному долгу, даже в самых сложных условиях выполняли свои служебные обязанности, обеспечивая защиту населения города и его имущества от погромщиков и мародёров.

---

#### **Черномаз В.А. Полиция Владивостока в событиях 1905 г.**

В статье рассматривается деятельность полиции Владивостока в условиях осадного положения, введённого во Владивостокской крепости в период русско-японской войны 1904-1905 гг., а также массовых беспорядков, произошедших в городе 30 октября – 1 ноября 1905 г. Анализируются недостатки в её структуре и функционировании, меры, которые предпринимались в указанный период по их устранению, формы взаимодействия полиции с подразделениями войск местного гарнизона по пресечению массовых беспорядков.

**Ключевые слова:** *полиция, массовые беспорядки, осадное положение, русско-японская война, гарнизон крепости*

#### **Chernomaz V.A. The police of Vladivostok in the events of 1905.**

The article discusses the activities of the police of Vladivostok in a state of siege that was imposed in the Vladivostok fortress during the Russian-Japanese War of 1904-1905 and mass riots that occurred in the city on 30 October – 1 November 1905. The author analyses the defects in its structure and functioning, measures taken by authorities during the specified period for their elimination, forms of interaction of the police with units of the local garrison troops for the suppression of riots.

**Key words:** *police, mass riots, state of siege (martial law), Russian-Japanese War, fortress garrison*

---

**Для цитирования:** Черномаз В.А. Полиция Владивостока в событиях 1905 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 51–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/51-60

**For citation:** Chernomaz V.A. The police of Vladivostok in the events of 1905. // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 51–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/51-60

